
Николай Стэф
Хранитель горизонта событий

Николай Стэф

Хранитель горизонта событий

«Автор»
2026

Стэф Н.

Хранитель горизонта событий / Н. Стэф — «Автор», 2026

Нейтан Грос просыпается на исследовательском корабле «Пилигрим» под вой сирены и понимает: экипаж мёртв, корпус разваливается, кислорода на минуты. Он единственный выживший. Выбравшись в спасательной капсуле, Нейтан обнаруживает в пустоте космоса объект размером с планету — древнюю инопланетную станцию. Внутри его встречает Хранитель: голограмма, за которой скрывается иссохшее тело последнего смотрителя. Станция не просто ждала гостя — она сама подтолкнула «Пилигрим» к катастрофе, чтобы получить совместимое разумное существо. Но для чего? Нейтану предлагают сделку: стать новым Хранителем, обрести доступ к галактическим знаниям и почти бессмертие — ценой необратимого слияния с механизмом и медленного умирания тела в саркофаге. А где-то рядом уже ждёт корабль-разведчик врагов создателей станции, готовый начать свою игру. Ироничный космический триллер о выживании, одиночестве, изоленте и сделках с вечностью, где самый опасный враг — не вакуум, а мелкий шрифт в договоре.

© Стэф Н., 2026
© Автор, 2026

Николай Стэф
Хранитель горизонта событий

Глава 1

Сирена не просто проснулась — она ворвалась в сознание Нейтана Гроса, как налоговая инспекция в душевую: без стука, без извинений и с явным намерением найти нарушения.

Человек дёрнулся так резко, что плечо впечаталось в крышку капсулы. Капсула ответила глухим металлическим стоном, будто тоже получила уведомление о предстоящей смерти и не в восторге от его позиции. На секунду в голове мелькнула абсурдная мысль: «Неужели это так выглядит новый вид утренней гимнастики — "выживание с элементами акробатики"?» Потом звук достал до костей, и думать стало некогда.

Сирена резала уши. Настойчиво. Безжалостно. Словно кто-то взял промышленную дрель, прикрутил к ней ещё одну сирену, направил всё это в правый висок и спросил: «Готов к рабочему дню?» Он застонал, попытался понять, где заканчивается кошмар и начинается реальность. Реальность не спешила представляться. Она решила сначала ударить по нервам, а уж потом разбираться с формальностями.

Красные вспышки заливали тесную капсулу рваными, пульсирующими волнами. Свет ложился на стены неровными пятнами, превращая стерильную белизну в декорации дешёвого триллера, снятого в космосе. Тени плясали по углам. Металл казался раскалённым. Сама капсула больше не была убежищем — она была ловушкой, которая наконец-то захлопнулась и, судя по звуку, принялась звонить друзьям из цеха, чтобы хвастаться.

Голос системы корабля «Пилигрим» ворвался следом за сиреной. Сухой. Бесстрастный. Будто робот читал сводку новостей, которую сам же и ненавидел, но уволиться не мог — индустрия кризисна.

— Критические повреждения корпуса. Разгерметизация отсеков. Уровень кислорода падает. Рекомендуется немедленная эвакуация.

Человек хрипло рассмеялся.

— Спасибо, что не дала умереть тихо, — пронеслось в голове. — Сначала оглушила. Потом напугала. Теперь торопишь. Полный пакет услуг: от пробуждения до панической атаки. Чаевые включены?

Если смерть и должна была прийти, то хотя бы с предупреждением. А не как незваный гость, который ещё и требует чашку чая и при этом сам ничего не принёс.

Он толкнул крышку капсулы. Та не поддалась. Он толкнул сильнее. Плечо отозвалось болью, пальцы соскользнули. Сирена взвыла громче, будто оценила старание и решила добавить мотивации — в формате «мотивация, превышающая рекомендуемые нормы».

— Давай, — прохрипел он. — Давай, последний раз прошу.

Замок щёлкнул. Крышка откинулась. Мир качнулся, как палуба в шторм, только без моря, без палубы и с минимальными шансами на спасательный круг. Желудок предательски сжался. Ощущение было такое, будто он всю ночь пил с самыми безбашенными космическими пиратами галактики, а под утро его ещё и хорошенько встряхнули за шкирку. Голова кружилась. Перед глазами плыли тёмные пятна — маленькие, тихие, как амнистия для мелких должников. Во рту стоял металлический привкус, словно он жевал фольгу из-под бесполезной рекламы.

Он свесил ноги наружу. Попытался сесть — и тут же пожалел. Мир перевернулся, потом вернулся на место, но уже с новыми, более агрессивными цветами. Красный. Ещё красный. И немного красного. Дизайнер интерьеров явно работал в состоянии эмоционального выгорания.

«Где я?» — первая мысль ударила, как молот. Простая. Отчаянная. Абсолютно бесполезная.

«И кто я, чёрт побери?» — вторая мысль была чуть ироничнее, но не менее горькой.

«Какой урод заплатит за моё состояние?» — третья прозвучала почти обиженно. Как будто он уже собирался предъявить счёт самой Вселенной, с процентами и компенсацией морального ущерба.

Он провёл ладонью по лицу. Сон не уходил. Цеплялся за сознание, как мокрый плащ за нервы. Пальцы дрожали. Пульс был. Но очень удивлённый — так удивлённый, что казалось, он вот-вот начнёт писать жалобу.

Вокруг царила странная, почти неестественная тишина. Та самая, которая бывает только после катастрофы или после того, как кто-то громко произнёс «нам нужно поговорить». Её нарушали лишь мигающие аварийные огни. Их красные вспышки выхватывали из темноты куски коридора, двери, панели — и тут же прятали обратно, как будто стеснялись. Огни мерцали, указывая путь к спасательному модулю. Выглядели они как насмешливые стрелочки в жестоком квесте: «Сдохни или постарайся. Второе — опционально».

Он невесело усмехнулся. Квест он явно начал не с той стороны, без инструкции и, судя по всему, без сохранения.

Тишина была плотной. В ней можно было утонуть. И в этой тишине он услышал звук. Тихий. Ритмичный. Почти незаметный.

Капанье.

Где-то в соседнем отсеке что-то капало.

«Кровь», — подумал он. И эта мысль почему-то показалась почти утешительной. По крайней мере, это кровь, а не что-то хуже. Он не хотел думать, чья это кровь и почему она капает. Но мысль о том, что рядом есть что-то ещё, пусть даже просто жидкость, на мгновение согрела его — впервые за эту несчастную вечность длиной в минуту тридцать.

Над дверью каюты тускло светился датчик. Цифры плясали, но смысл был предельно ясен: за дверью давление стремительно падало. Приближалось к нулю. Это был не просто предупреждающий знак. Это был приговор для любого, кто решится выйти без защиты. Воздух тут кончался быстрее, чем доверие к политикам после второго срока.

Он посмотрел на скафандр. Тот стоял рядом с капсулой, будто ждал его пробуждения и скучал. Лёгкий, но надёжный — именно так его описывали на инструктаже, который он, кажется, слушал в прошлой жизни, в той, где всё ещё работало. Тонкие, но прочные слои композитной ткани. Вставки из кевлара. Термостойкое волокно. Шлем с затемнённым визором, способным выдержать удар метеорита размером с кулак. Перчатки с тактильной чувствительностью — чтобы можно было нажимать кнопки, а не бить по ним кулаком, хотя второе тоже имело свои плюсы. На груди — панель управления с датчиками кислорода, давления и температуры. Последний, судя по всему, измерял температуру настроения экипажа, потому что показывал что-то в районе «лёгкого замерзания».

Скафандр выглядел как доспех будущего. Не громоздкий. Не тяжёлый. Собранный из сотен мелких деталей, каждая из которых имела своё предназначение — в отличие от некоторых людей, которых Нейтан пока не мог вспомнить, но уже невольно сравнивал.

Он схватил его. Руки не слушались. Пальцы скользили по застёжкам, как по льду хороших намерений. Тело сопротивлялось каждому движению. Он влез одной ногой, дёрнул ткань, чуть не упал, выругался так выразительно, что сирена на секунду, кажется, смутилась. Застёжка. Ещё одна. Дыхание — глубже, или хотя бы попытка. Ещё застёжка.

— Да знаю я, знаю, — пробормотал он, когда датчик над дверью мигнул и сменил цвет с оранжевого на злой, почти кирпичный. Цвет, который в природе встречается только у очень сердитых томатов и очень честных предупреждений.

Когда последний замок щёлкнул, он почувствовал странное облегчение. Теперь, по крайней мере, он был готов к тому, что ждало за дверью. Или думал, что готов. Разница между этими состояниями, как он скоро понял, была примерно та же, что между «я слышал про море» и «я в море, без лодки».

Шлем закрылся. Внутри стало тише. Сирена превратилась в далёкий вой — гражданскую версию адского хора. Дыхание стало собственным, слишком громким, слишком близким, как у человека, который только что осознал масштаб собственных проблем. Перед визором вспыхнули строки диагностики:

«Герметичность: 92%… 96%… 100%». «Кислород: 18 минут». «Рекомендуется дозаправить баллоны».

Он моргнул.

— Последнее — точно рекомендация? — спросил он. — Или это из серии «рекомендуется дышать»?

Система не ответила. Может, у неё не было чувства юмора. Может, она уже была занята другим — например, умирать вместе со всем остальным.

Он сделал первый шаг. И едва не рухнул на пол. Гравитация на корабле работала с перебоями — то усиливалась, то почти исчезала, как капризный свет в старом кинотеатре, где проекторист давно забил на профессионализм. Его качнуло вперёд. Потом назад. Он вцепился в край капсулы.

— Гравитация — это опция, а не гарантия, — пронеслось в голове. — Как и здравый смысл. Как и всё хорошее.

Он усмехнулся. На этот раз чуть живее. Юмор, даже чёрный, даже против воли, всё ещё был признаком жизни. А признаки жизни — вещь на данный момент дефицитная.

Оглядевшись, он начал замечать детали. Они складывались в пугающую картину — как пазл, только вместо красивого пейзажа получалось что-то из хоррора. На полу валялись обломки панелей. Провода свисали, как вырванные нервы, и, судя по всему, вели себя соответствующе. На стенах — следы оплавления, будто кто-то прошёлся по кораблю плазменной горелкой с художественными амбициями.

И тишина. Абсолютная. Звенящая. В ней не было ни шагов, ни голосов, ни даже слабого дыхания — весь корабль, кажется, затаил его за него.

Он позвал через передатчик, встроенный в шлем:

— Эй!

Тишина.

— Есть кто-нибудь?

Ответа не было. Только эхо его собственного голоса. Жалкое. Одинокое. Такое одинокое, что даже космос за бортом, наверное, сочувствовал — а космос вообще-то славится равнодушием.

Он двинулся вдоль стены. Медленно. Осторожно. Каждый шаг — как первый лёд на весенней реке: вроде держит, но кто знает, что там под тобой и как давно. Гравитация дёрнулась, и его повело в сторону. Он ударился плечом о панель. Из-под перчатки брызнули искры — маленькие, оранжевые, почти нарядные. Он замер.

Искры погасли.

Он выдохнул.

Коридор изгибался, как хребет чего-то очень большого и очень мёртвого. Аварийные огни вели дальше. Красный. Тьма. Красный. Тьма. В одном месте потолок просел так низко, что пришлось пригнуться — корабль, судя по всему, решил, что будут проблемы с ростом, и заранее о них позаботился. В другом — пол оказался покрыт тонкой коркой льда. Он поскользнулся, взмахнул руками, поймал равновесие и выругался так, что даже сам удивился — язык вспоминал слова быстрее, чем память вспоминала лица.

— Отлично, — сказал он вслух. — Просто отлично. Космический корабль, лёд, сирена. Полный набор. Мороженого только не хватает.

Датчик на запястье пискнул.

«Кислород: 16 минут».

— Спасибо, — сказал он. — Очень вовремя. Ты вообще знаешь слово «моральная поддержка»? Или только «обратный отсчёт»?

Он дошёл до панели связи. Экран был треснут, но живой — единственная тварь на этом корабле, кто ещё держался. Он нажал кнопку. Покрутил настройки. Экран мигнул, задумался и выдал список экипажа.

Он читал быстро. Строка за строкой.

«Пропал без вести». «Погиб». «Погиб». «Пропал без вести». «Погиб».

Список был длинным. Слишком длинным. Он пролистал ниже. Сердце стучало где-то в горле, пытаясь эвакуироваться раньше хозяина. Палец скользил по экрану, будто надеялся, что цифры изменятся. Что кто-то вдруг появится. Что система ошиблась, поторопилась, перепутала — хоть что-нибудь.

Панель оставалась холодной и равнодушной. Панели, в отличие от людей, не умеют лгать. Это их единственное достоинство.

И только напротив одной строки статус отличался.

«Нейтан Грос. В состоянии гибернации».

Он уставился на имя. Буквы были знакомыми — слишком знакомыми, чтобы быть чужими, и слишком далёкими, чтобы быть своими. Память не отзывалась. Как будто внутри него кто-то выключил свет, а табличку с именем оставил. Из вежливости. Или из издёвки.

— Нейтан Грос, — прочитал он вслух. — Это что ли я?..

Ответа не было. Корабль решил, что это интимный вопрос.

Он провёл пальцем по экрану. Список не изменился. Он был один. Единственный выживший на гигантском судне, которое теперь казалось не кораблём, а огромным металлическим гробом, плывущим в пустоте — с отличной изоляцией, кстати. Вакуум, как известно, лучший звукоизолятор.

И вдруг — вспышка. Не аварийная. Внутренняя.

Он вспомнил.

Имя.

Нейтан Грос.

Оно всплыло из темноты памяти, как тонущий человек выныривает на поверхность — не с надеждой на спасение, а хотя бы за глотком воздуха. Он повторил его вслух, будто проверяя, настоящее ли оно:

— Нейтан Грос.

И на мгновение ему стало легче. Не намного. Но легче — как легче умирающему от жажды в пустыне, которому сказали, что его имя правильно написали на надгробии.

У него было имя.

А значит, было с чего начинать.

— Это всё-таки я.

В горле стало сухо. Он попытался сглотнуть. Не получилось. Горло сказало: «Позже. Мы заняты паникой».

— Ладно, — сказал он. — Ладно. Я выжил. Значит, что-то сделал правильно раньше, в этой жизни. Наверное.

Слово «наверное» повисло в воздухе и не спешило исчезать. Оно осело где-то на уровне диафрагмы и принялось жить там отдельной, тревожной жизнью.

Он огляделся в поисках хоть какого-то признака жизни. И нашёл кофейный автомат в углу каюты. Тот стоял, как ни в чём не бывало, мигал лампочками и предлагал «свежий эспрессо за 3 кредита».

Он подошёл. Посмотрел на экран. Потом на свои пустые карманы — карманы скафандра, к слову, вообще были декоративными, что сейчас казалось верхом цинизма инженерной мысли. Потом снова на экран.

И вдруг рассмеялся. Смех был нервным, почти истерическим, но в нём было что-то настоящее — как настоящая ложь в хорошем романе.

— Мелочь, а приятно, — пробормотал он. — Хотя бы кто-то на этом корабле продолжает работать. Хотя бы кто-то продолжает верить в будущее. В отличие от некоторых датчиков кислорода.

Автомат мигнул.

«Продолжить?»

— Не сейчас, — сказал он. — У меня немного другая задача. Поверь, кофе сейчас — это как букет на собственные похороны: мило, но не к месту.

Тошнота снова накатила волной — большой, холодной, с привкусом озона и плохих решений. Он прислонился к стене, пытаясь отдышаться. И вдруг осознал ещё одну вещь. Раньше ему достаточно было нажать кнопку, и еда появлялась. Теперь ему придётся искать. Добывать. Готовить. Если здесь вообще осталось что-то, что можно есть, а не просто что-то, что когда-то имело амбиции стать едой.

Эта мысль ударила сильнее, чем сирена. Он вообще не понимал, почему в такой критической ситуации он думает о еде. Мозг явно имел собственные приоритеты, и выживание стояло в них где-то после «сандвич с ветчиной».

Мысли путались. Настроение скакало, как гравитация: от отчаяния к странной, почти детской обиде — «Ну почему именно я? Почему не кто-то другой? У меня вообще-то планы были!.. Кажется». Потом приходила злость: «Ладно. Раз я выжил — значит, должен что-то сделать. Хотя бы ради того, чтобы потом похвастаться». Потом снова страх: «А что, если я не справлюсь? А что, если всё это зря? А что, если...»

Он проверил пульс. Пальцы дрожали. Сердце билось не в ритме, а в панике — индивидуально, без согласования с дирижёром.

— Пульс есть, — сказал он. — Но очень удивлённый. Мы оба удивлены. Это, в общем-то, объединяет.

Вспышки аварийного света продолжали мигать. Теперь они казались не просто сигналами, а предвестниками конца. Корабль разваливался быстрее, чем репутация политика после скандала, и столь же шумно.

Он посмотрел на выход. Потом на панель. Потом снова на выход.

— Если уж умирать, то хотя бы узнаю почему, — решил он. — Хотя бы по-человечески: со знанием дела.

И направился к командному модулю.

Путь был коротким только на схеме — а схемы, как известно, рисуют люди, которые никуда не идут. В реальности коридор оказался завален. Панель с потолка свисала косо, как сломанная челюсть после очень убедительного аргумента. Под ней пришлось пролезать на четвереньках — Нейтан отметил, что эволюция явно недооценивала космические корабли, раз не предусмотрла скафандры, приспособленные для ползания. В одном месте капало громче. Он посмотрел в сторону звука и увидел тёмную лужицу под трубой. Не кровь. Охлаждающая жидкость. Почему-то от этого стало легче — возможно, потому что у корабля ещё оставалась жидкость, которую он мог терять вместо крови. Мелочь. Но вдруг.

— Уже прогресс, — пробормотал он. — Не кровь. Уже хорошо. Ставлю галочку. Умирать можно и позже.

Гравитация снова дёрнулась. Его подбросило на полметра и приложило о стену — без предупреждения, без «извините», как водитель маршрутки в повороте. Он зашипел от неожиданной боли, схватился за поручень. Поручень хрустнул, но выдержал. Как и Нейтан. Пока.

— Спасибо, — сказал он поручню. — Ты сегодня лучший член экипажа. Единственный, кто не врёт и не разваливается. Ну, разваливаешься чуть-чуть, но стараешься. Уважаю.

Сирена на мгновение стихла. В тишине стало слышно, как где-то далеко, в глубине корабля, что-то скрежещет. Металл по металлу. Медленно. Тяжело. Как будто «Пилигрим» сам себя пытался разорвать изнутри — и, надо отдать должное, успешно.

Он ускорился. Осталось пятнадцать минут кислорода, что при его текущей скорости передвижения означало примерно три катастрофы на минуту — рекорд, который он предпочёл бы не ставить.

Дверь командного модуля была приоткрыта. Из щели пробивался бледный свет — холодный, неуверенный, как улыбка стоматолога. На двери висела табличка: «Не курить».

Он остановился. Посмотрел на табличку. Потом нервно рассмеялся.

— Теперь это действительно последнее, о чём стоит беспокоиться, — сказал он. — Хотя... с другой стороны, задымление в командном модуле сейчас было бы почти уютно. Как камин. Только быстрее.

Перед тем как войти, он закрыл глаза. Всего на секунду. Попытался собраться. В голове мелькнула слабая надежда: может, это просто сон? Может, сейчас он проснётся в своей каюте, и ничего этого не будет — ни сирен, ни льда, ни списка мёртвых. Может, кто-то там, за гранью, шепчет: «Не входи. Всё уже кончено».

Сирена взвыла снова. Так громко, что даже его подсознание не смогло бы такое придумать.

Нейтан Грос вдохнул — то, что осталось, — и шагнул внутрь.

Глава 2

Командный мостик встретил Нейтана мёртвой тишиной — той самой, которая бывает в зале, когда выступающий уже вышел, а зрители ещё не решили, аплодировать или просто разойтись.

Шлюзовая дверь со скрежетом отъехала в сторону, как старик ворчливо отходит от стола, и он застыл на пороге. Под скафандром спина покрылась холодом — мгновенным, бессовестным, как налог на спасение. Это было не то место. Неправильное. Здесь должен был царить порядок: ряды консолей, живые экраны, сосредоточенные лица офицеров, чьи-то ругательства вполголоса, чей-то кофе, забытый у терминала и уже успевший образовать собственную экосистему. Здесь должен был быть капитан — с тем самым выражением лица, с которым капитаны смотрят на бушующие штормы и на отчёты бухгалтерии. Здесь должен был быть хоть кто-то.

Вместо этого — хаос, застывший в середине разрушения. Как фотография взрыва, сделанная за долю секунды до того, как всем станет очень плохо.

Консоли лежали перевёрнутые, выставив наружу свои рёбра. Кабели тянулись по полу, как выпотрошенные внутренности, и Нейтан, к своему ужасу, обнаружил, что смотрит на них с профессиональным любопытством — тело явно помнило что-то, о чём ум предпочитал молчать. С потолка свисала оплавленная балка и покачивалась в такт последним судорогам корабля, как маятник в часах, которые никому больше не нужны. Гравитация дёрнулась, балка скрипнула, и Нейтан вздрогнул так, что скафандр дружно пискнул всеми датчиками сразу.

— Спокойно, — сказал он себе. — Это просто металл. Просто металл. Который очень хочет тебя убить, но пока не решил, с какой стороны начать.

Металл не ответил. Он был занят другим.

Но настоящая картина открывалась за иллюминаторами командного мостика.

Огромные, во всю стену, они должны были показывать звёзды и глубину космоса — то, ради чего «Пилигрим» вообще отправлялся в путь, то, что печатали на открытках и вставляли в презентации для инвесторов. Вместо этого в них отражался сам корабль. Нейтан прижался лбом к стеклу — стекло оказалось холодным, как совесть аудитора, — и увидел всё сразу. И сразу пожалел об этом.

«Пилигрим» — Огромный корабль, некогда величественный исследовательский центр длиной почти в два километра, гордость инженерной мысли и любимец рекламных буклетов, славившийся, в частности, фразой «создан, чтобы пережить всё» — теперь представлял собой искорёженную массу металла. Носовая секция исчезла вовсе, будто кто-то откусил её и не потрудился прожевать. Средняя часть разламывалась по швам, обнажая внутренние палубы — комнаты, коридоры, обрывки чьей-то жизни. Из них медленно вылетали обломки, листы обшивки и, кажется, один столовый стол. Стол улетел особенно торжественно, будто знал что-то, чего не знали остальные. Хвостовая часть ещё держалась. Но держалась так, как держится зуб перед визитом к стоматологу, — чисто формально и сугубо временно.

Весь корабль медленно вращался в пустоте. Гигантская консервная банка после встречи с открывашкой. Только открывашка была размером с астероид. Или с что-то похуже. Или, что ещё хуже, с что-то совсем хорошо спроектированное.

Первые мёртвые тела.

Они висели в невесомости посреди мостика — трое или четверо членов экипажа, застывшие в позах, которые выражали крайнее, почти издевательское удивление. Видимо, никто из них не ожидал такого поворота событий. Ни один. Ни один человек на этом гигантском корабле, напичканном сканерами и системами раннего оповещения, не успел даже испугаться как следует. Один — мужчина в форме второго пилота — держался за консоль. На его лице застыла гримаса, будто он в последний момент собирался сказать что-то очень важное, но не успел. Возможно, «капитан, справа опасность». Возможно, «я вас предупреждал». Теперь это уже не имело значения. Женщина рядом раскинула руки, как будто пыталась обнять саму смерть или хотя бы оттолкнуть её. У третьего рот был открыт так широко, что Нейтан почти слышал его последний возглас.

Взрывная декомпрессия не оставила им ни секунды. Один вдох — и всё. Они не пострадали внешне. И это было самое жуткое. Никаких ран, никакой крови — только люди, которые просто... перестали жить. Как будто кто-то выдернул шнур. А потом выдернул ещё несколько, запасных.

Нейтан отвернулся. Сглотнул подступивший комок.

— Вот и всё, что остаётся от людей, — пробормотал он. — Поза удивления и странное выражение лица.

Слова прозвучали глупо. Бессердечно. Но тишина после них стала чуть менее плотной — как будто у неё тоже было чувство юмора, пусть и исковерканное.

Главный экран мостика, огромный, размером со стену, был мёртв. Погас навсегда, словно решил, что его услуги больше не требуются. Только в углу капитанского терминала одиноко мигал смайлик с надписью «Ошибка 404». Нейтан уставился на него. Смайлик был жёлтым, круглым и непозволительно весёлым.

— Какая ирония, — сказал он. — Система управление кораблём не найдена. Как и капитан. Как и план спасения. Как и вообще всё, что имело смысл.

Смайлик продолжал весело подмигивать. Нейтан впервые всерьёз подумал, что программисты корабля явно обладали чувством юмора. Но ноль пунктов эмпатии. Хотя, справедливости ради, эмпатия никогда не была требованием в вакансии «программист» — в отличие от кофе и ненависти к понедельникам.

И тут корпус содрогнулся снова.

Очередной взрыв прокатился по кораблю волной — глубокой, желудочной, как голод, только голод этот был направлен на Нейтана лично. Металл заныл. Пол дёрнулся. С потолка посыпалась пыль и куски обшивки — корабль, похоже, решил провести реконструкцию, не спрашивая согласия жильцов. Нейтана швырнуло вбок — он успел вцепиться в поручень. Пальцы скользнули, сгорая в перчатке, но удержали.

— Отличные новости, — пронеслось в голове с панической бодростью, как у радиоведущего, ведущего репортаж из горящего здания. — Корабль продолжает разваливаться на части. Ещё немного — и можно будет собирать обломки вручную. В прямом смысле. Голыми руками. Потому что скафандр вскоре окажется единственной комнатой, которая у меня останется.

Взрывы следовали с нарастающей частотой. Как аплодисменты на концерте, который никто не хотел посещать, но билеты были дорогие, и уходить рано как-то неловко.

Нейтан начал двигаться. Методично. На автомате. Тело знало что-то, чего не знал он, — и он решил ему пока доверять, потому что альтернатив не было, а обижать единственного союзника, который у него оставался, казалось неразумным. Искать хоть что-то полезное: аптечку, баллон кислорода, генератор, хотя бы мультитул. В разодранном ящике стола первого помощника капитана — стол был опечатан, печать порвана, видимо, кто-то перед смертью решил, что протоколы теперь не властны над ним, — он нашёл коробку с надписью «Аварийные презервативы». И маленькой припиской: «Защита от всего, кроме тупости».

Он уставился на неё. Долго. Примерно столько, сколько нужно, чтобы у тупости появилось время застыдиться.

— Ну конечно, — сказал он. — Первый помощник при жизни был ещё тем юмористом. Космическая катастрофа, смерть экипажа, разгерметизация — а у этого гения на первом месте безопасный секс в невесомости.

Он сунул коробку в карман скафандра. Не потому, что планировал использовать. Просто хоть какая-то защита в этой ситуации не помешает. Пусть будет. Как талисман. Самый депрессивный талисман в истории человечества — впереди, по крайней мере, по абсолютно всем оценкам, кроме, возможно, его собственной.

Мысли вернулись к капитану.

Где был капитан? Почему «Пилигрим» — корабль, напичканный электроникой, со сканерами дальнего действия, системами раннего оповещения и, кажется, даже с ИИ, который умел шутить, — не заметил препятствие? Два километра стали, сплавов и гордости. Весь этот мегатонный интеллект. И ни одного «пристегнитесь, через три секунды станет некомфортно».

— Как можно было не заметить?! — злость поднималась внутри, горячая, давно заслуженная, как пенсия, которую так и не выплатили. — Тысячи датчиков! Сканеры! Системы! Ради чего мы тебя кормили энергией, железяка?!

Нейтан поймал себя на том, что злится на мёртвого человека. На мёртвых людей. На целый список мёртвых людей. Это его не остановило. Злость была удобнее горя: горе требовало признать факты, а злость позволяла ими швыряться.

Реальность и трезвость ума возвращались холодом: он должен найти убежище. Иначе он разделит участь остальных — а умирать в компании трупов, пусть даже очень приятных при жизни, это не то, о чём он мечтал в детстве. В детстве он, кажется, мечтал стать космонавтом. Мечты, в общем-то, сбываются. Вопрос в том, в каком порядке приходят остальные части картинки.

Из глубин корпуса донёсся странный скрип. Долгий. Тягучий. Как будто кто-то с усилием сгибал гигантскую металлическую линейку. Нейтан замер. Сердце подскочило и тут же спряталось за рёбра.

— Привидение? — мелькнула первая мысль. — Нет. Стоп. В космосе нет привидений. Тут даже души должны летать по инерции. Это просто металл сдаётся под давлением вакуума.

Скрип повторился. Ниже и страшнее. Теперь он звучал так, будто линейку сгибал не один, а целый комитет.

— Ещё немного — и корабль скажет «прощай» без всяких сентиментальностей. Через межкомнатную перегородку. И головой.

Возле выхода с мостика висела аварийная карта эвакуации. Панель со схемой корабля и светящимися стрелками — все они были, почему-то, одинаково уверенные в себе, хотя вели в разные стороны. Нейтан уставился на неё и попытался понять, где находится спасательный модуль.

Это было непросто. Это было, если честно, издевательски непросто.

Карта была нарисована так, будто её автор был пьян. Или просто ненавидел людей. Или и то и другое одновременно — а такое сочетание, как известно, даёт лучших дизайнеров и худших людей. Стрелки вели в трёх направлениях. Две заканчивались тупиками. Третья — надписью «Сектор X-7 (закрыт на техобслуживание до конца времён)». Цветовая легенда сообщала: зелёный — «безопасно», красный — «опасно», жёлтый — «на ваше усмотрение».

— На ваше усмотрение! — взвыл Нейтан мысленно, и часть его — та, которая ещё помнила как выглядит здравый смысл, — тихонько заскулила. — Какое у меня может быть усмотрение в такой ситуации?! У меня усмотрение закончилось ещё на «кто я»!

Он вспомнил, что впервые попал на корабль почти полгода назад. Ходил мимо этой карты десятки раз. И ни разу не удосужился её прочитать. Карта висела тут, светилась, настаивала — а он шёл мимо, потому что был занят. Чем — теперь уже не вспомнил. Видимо, чем-то очень важным, раз теперь это не имеет значения.

— Отлично, Нейтан. Молодец. Знаешь, как звучит имя в книге рекордов тупости? Вот так и звучит. Аудиокнига, между прочим. На трёх дисках.

Он в третий раз сверился с картой. Мысленно составил маршрут — проложил его сквозь полтора километра умирающего металла, как иголкой сквозь ботинок. И пообещал себе: если выживет — первое, что сделает, это напишет жалобу на дизайнера этой карты. Или лично найдёт его. И объяснит. Очень подробно. С нарисованными схемами.

Где-то в памяти всплыла строчка из древнего учебника выживания: «В случае разгерметизации не паникуйте».

Нейтан паниковал. Но тихо. Профессионально. Внутренне он орал, бегал кругами и рвал на себе волосы — виртуально, поскольку настоящие были под шлемом и недоступны. Внешне сохранял лицо спокойного джентльмена, который просто немного заблудился в собственном космическом корабле. Как англичанин, обнаруживший, что его дом сгорел, но чайник, к счастью, цел.

— Если бы и тот автор учебника сейчас был здесь, — пробормотал он, — он бы паниковал уже на первом взрыве. И писал бы второе издание.

По карте он всё-таки добрался до технического отсека. Узкого. Забитого трубами и шкафами с оборудованием, похожего на утробу чего-то промышленного и злого. В углу, на креплении, висел огнетушитель. Рабочий. Красный. Светящийся чуть ли не от собственного достоинства.

Нейтан снял его. Проверил давление на манометре. Стрелка стояла в зелёной зоне. Единственная вещь на всём корабле, которая работала как надо, была заряжена как надо и явно не собиралась никого подводить. Он погладил его по цилиндру — почему-то хотелось.

— Жаль, что огня нет, — усмехнулся он. — Придётся тушить то, чего нет. Ну или бить им то, что появится. Многофункциональный ты у меня.

Огнетушитель он повесил на плечо. Как пехотинец — базуку. Только без героического профиля. И без музыки. И с вероятностью того, что врагом окажется собственный корабль.

И тогда — новый взрыв. Ближайший. Самый сильный. Пол вздрогнул, как барабанная перепонка на концерте, где звукорежиссёр ненавидит человечество. С потолка посыпались

искры. Где-то позади с грохотом рухнула переборка — тяжело, окончательно, как падают решения, о которых потом жалеть уже поздно. Нейтан ускорил шаг, почти побежал. Чувствуя себя героем боевика. Только без суперспособностей, без замедленной съёмки и без музыки — хотя, справедливости ради, корабль сам обеспечивал звуковое сопровождение уровня «оркестр катастроф».

Времени оставалось мало. Нужно покидать корабль. Куда — он пока не задумывался. Маленький вопрос. Подождёт. Сначала выжить, потом география — такой у выживших порядок приоритетов, проверенный тысячелетиями тех, кому повезло меньше.

— Сначала выйти, потом думать, — сказал он себе. — Порядок приоритетов у выживших такой. У не выживших, кстати, тоже был. Разница в том, что им больше не нужно.

По дороге его накрыла очередная волна отчаяния — вторая за эту минуту, что, впрочем, было даже прогрессом: волны начали приходить с интервалами.

— Может, это всё-таки сон?

Но потом он вспомнил, что во сне обычно есть симпатичные девушки. По меньшей мере — нормальная температура воздуха. А здесь — трупы, вакуум и запах горелой проводки, который, надо отдать ему должное, был очень убедительным. Даже подсознание не опустилось бы до такого сценария. У подсознания, как ни крути, есть вкус.

Наконец он увидел его. Люк спасательного модуля. Массивная, герметичная дверь с жёлтой маркировкой и надписью «Спасательный модуль В-2». Надпись была ровной, уверенной, сделанной людьми, которые верили, что этой штукой будут пользоваться по инструкции, а не в панике, через руки, под музыку взрывов.

Нейтан потянул рычаг. Люк не поддался.

Он потянул сильнее. Результат тот же. Рычаг был глухим, как совесть чиновника.

Нажал на панель рядом. Панель выдала злой красный значок и ничего больше. Ни объяснения. Ни извинений. Просто красный кружок, который в среде интерфейсных дизайнеров означает «сам разбирайся».

— Ах вот оно что, — сказал Нейтан вслух, обращаясь к кораблю как к коллеге, которого поймали за руку. — Ты решил, что можешь меня вот так просто держать? Эй, Пилигрим, я знаю, что тебе плохо, но мы вместе трудились. Я на тебе ел. Спал. Терпел этот твой вечно холодный душ! А ты сейчас мне устраиваешь саботаж?! Откройся, железная банка, пока я не превратил тебя в конфетти окончательно!

Люк не отреагировал. Корабль хранил обиженное молчание. Прерываемое скрипом умирающего металла — единственным ответом, который этот разговор заслуживал.

И тогда Нейтан вспомнил старый рабочий способ взаимодействия с любой техникой. Метод, проверенный поколениями, переданный из уст в уста, из кулака в кулак. Он занёс руку и со всей дури ударил по панели управления.

Кулак отозвался болью — честной, телесной, почти ностальгической. Панель — щелчком, как будто прокашлялась. Люк — приятным, почти музыкальным «пшшшш» разгерметизации замка. Створки медленно разошлись, с достоинством существа, которое решило всё-таки появиться, но хотело, чтобы об этом попросили.

— Технологии будущего, — буркнул Нейтан, потирая костяшки. — Тысячи лет развития науки. Квантовые вычисления. Искусственный интеллект. А работает всё равно только дедовский способ: бей кулаком по коробке до тех пор, пока она не заработает как нужно.

За люком открылся спасательный модуль. Тесный, не на много больше телефонной будки, но живой. Мягкое, тёплое освещение вместо мёртвого аварийного красного света — свет, который не орал, не мигал, не требовал, а просто был. Шесть кресел с ремнями. Консоль управления с дремлющим экраном. Компактный пульт навигации. Запасной отсек с припасами — запечатанный, с нарисованной лампочкой и надписью «Хватит на 14 дней». Всё

было чистым, исправным и невероятно — целым. Как будто кто-то специально сохранил один маленький кусочек порядка на случай, если весь остальной мир решит соскочить с катушек.

Нейтан перевёл дух. Первый раз по-настоящему, с полной грудью — ну, с той её частью, которая оставалась в его распоряжении. Перекинул огнетушитель через порог — и талисман, и оружие, и, в некотором роде, последний член экипажа. А потом перевёл взгляд назад — на мостик, где в красных вспышках висели его бывшие товарищи, чьи имена он ещё не успел вспомнить.

— Ну что, Пилигрим, — тихо сказал он. — Было приятно. Большую часть времени. Остальное — ну, ты сам понимаешь, у нас обоих был трудный период.

Он шагнул внутрь спасательного модуля. Люк за спиной закрылся с тихим шипением — мягко, почти заботливо, как будто кто-то наконец-то прикрыл дверь в квартире, где осталось только прошлое. И впервые за всё это время Нейтан услышал не сирену, не скрежет и не капанье.

А собственное дыхание. Ровное. Живое.

Пока живое.

Глава 3

Первый вдох после закрытия люка дался Нейтану с трудом.

Он прислонился к стене модуля и позволил себе то, на что не имел права всё это время. Просто дышать. Просто стоять. Просто быть живым ещё одну секунду.

За закрытой дверью медленно умирал «Пилигрим».

Он умирал красиво. Так, как умирают корабли в голливудских фильмах. Корпус расходился по швам с задержанными взрывами. Обломки вылетали в чёрную пустоту медленными па. Тлеющие секции отсвечивали оранжевым, как угли под пеплом. Всё это происходило в абсолютной тишине.

И отсутствие саундтрека было, пожалуй, единственной разницей с кино.

— Без музыки, — пробормотал Нейтан. — Голливуд бы из такого конца сделал премиальную франшизу. А тут я. Без музыки. Без драматичной речи. И даже без достойного камео.

«Пилигрим» не ответил. Он был занят тем, что разваливался.

Модуль, как выяснилось, был укомплектован прилично. По меркам людей, которые заказывали припасы по остаточному принципу. В герметичных отсеках нашлись баллоны воздуха, запас воды в гибких ёмкостях и несколько упаковок сухого пайка.

Нейтан взял одну. Повертел в руках. Прочитал мелкий шрифт:

«Годен до конца света».

Он хмыкнул.

— Кто-то на складе явно любил пошутить. И не представлял, насколько удачно попадёт.

Он развернул упаковку.

— Ну что ж. Конец света уже наступил. Значит, срок годности формально истёк. Едим, пока не передумали.

Еда внутри оказалась брикетом чего-то, что в рекламном буклете назвали бы «мясным ассорти». В реальности это была субстанция цвета и консистенции упаковочного пенопласта.

Нейтан прожевал. Сглотнул. Мысленно поставил галочку.

— Вкус — как у надежды. То есть никакого. Но калории есть.

Он успел сделать ещё один укус, когда модуль вздрогнул.

Легонько. Но ощутимо.

Нейтан замер с брикетом в руке.

— Это ещё что?

Ответ пришёл сам. Пирозамки сработали. Аварийный протокол. Капсула отделялась от остатков корабля. Лёгкий толчок. Медленный дрейф. Иллюминатор поплыл мимо изуродованного борта «Пилигрима».

Нейтан смотрел, как корабль отдаляется. Медленно. Тихо. Необратимо.

Он был один.

Совершенно один. В небольшой спасательной капсуле. В бескрайнем космосе, где никто и никогда не придёт ему на помощь по собственной инициативе.

Мысль была такой огромной, что Нейтан отказался думать её целиком. Разбил на кусочки.

— Если бы я был героем фильма, у меня бы уже был гениальный план, — сказал он. — Использовать гравитацию чужой планеты. Как-нибудь хитро её обмануть. Улететь в закат под аплодисменты.

— Но я не герой фильма. Я мужик с огнетушителем и коробкой презервативов в кармане.

Он отогнал эту мысль и занялся делом. Осмотром модуля.

Аптечка нашлась под креслом. Белая коробка с красным крестом. Вселяющая ложную надежду. Нейтан открыл её.

Внутри лежали бинты и пузырёк зелёнки.

Всё.

Ни антибиотиков. Ни обезболивающих. Ни кровоостанавливающего спрея, который в новых скафандрах шёл в комплекте по умолчанию.

Нейтан уставился на содержимое. Его посетило что-то среднее между истерикой и просветлением.

— Бинты и зелёнка, — повторил он. — Отлично, сегодня судьба решила по издеваться на до мной по полной. Если я порежусь бумагой или получу ушибленное самолюбие — я готов. Если мне оторвёт руку — я смогу её красиво забинтовать и покрасить. Зелёнкой.

Он бросил пузырёк обратно.

— Блин. Я вообще теперь не понимаю, как я согласился в эту экспедицию. И какой идиот укомплектовывал всё самое необходимое на этом корабле? Нет, серьёзно. У первого помощника — презервативы. У меня — зелёнка. Что, теперь понятно, чем занимался экипаж на седьмом месяце полёта?

Ответа не было. Модуль молчал. Корабль за иллюминатором тоже.

Следующим пунктом стал индикатор топлива.

Нейтан нашёл его на нижней панели. Цифры светились ровно и честно.

80%.

— Восемьдесят процентов, — сказал он вслух.

И на секунду даже почувствовал себя победителем.

— Этого достаточно, — Сказал он мысленно сам себе, а потом спохватился.

— Достаточно... — повторил он медленнее. — Для чего? Достаточно на две недели? Или на два дня?

Датчик был датчиком. Он показывал цифру. Не смысл.

Нейтан понял: топливо в капсуле — это как деньги в кармане. Не важно, сколько их. Важно, на что их хватит. И он не знал ни того, ни другого.

Хуже было другое.

Капсула была слепой.

Связи не было. Сканеры — судя по мигающим неопределённым значкам — почти не работали. Навигационный экран честно показывал пустоту и своё отсутствие данных. Приборы давали меньше информации, чем один взгляд в иллюминатор.

Нейтан прижался к стеклу.

Вокруг — чёрное, усыпанное колючими искрами звёзд ничего. Ни ориентиров. Ни векторов. Ни подсказок. Даже на Земле слепой человек хотя бы мог услышать, где он находится. Здесь звук был только внутри.

И тогда он увидел, как от корабля отваливается кусок.

Произошло это тихо и буднично. Целая секция обшивки, размером с автобус, отделилась от корпуса «Пилигрима» без взрыва. Без драмы. Как будто просто устала держаться. Она медленно, с достоинством поплыла в сторону.

Нейтан проводил её взглядом. Как провожают уходящую вдали знакомую фигуру.

Глаз следовал за куском металла по инерции...

И наткнулся на неё.

На громадину, заполнявшую треть обзора.

Нейтан замер. Дыхание сбилось.

Там, за умирающим кораблём, в чёрном космосе простирался тёмный силуэт. Огромный. Неправильный. Не отражающий света объект. Он закрывал часть звёзд, как занавес закрывает сцену.

Он не был ярким. Он не был красивым. Он был просто огромным.

И присутствие этого масштаба рядом с крошечной капсулой заставило сердце Нейтана сжаться до размера грецкого ореха.

Он смотрел, не мигая. Чувствовал одновременно страх и какое-то дикое, неуместное любопытство. Так турист смотрит на лавину. Ужас вперемешку с «вау».

— И как я раньше не заметил эту громадину? — пронеслось в голове. — Она же размером с... ? С планету? С луну? С чёрт знает что? Наш корабль пролетал мимо неё, что-то зацепил — и вот итог. Это же очевидно. Мы врезались в нечто.

Вторая мысль была горше.

— Но как приборы «Пилигрима» не заметили такую громадину?! Дальний сканер. Системы раннего обнаружения. ИИ, который умел шутить, но, видимо, не умел смотреть по сторонам. Как можно было не заметить объект размером с луну? Это как не заметить слона в комнате. Нет. Как не заметить слона в салоне автобуса!

Нейтан поймал себя на том, что злится на мёртвую электронику. Это его немного успокоило. Злость была лучше страха.

Он осознал ещё кое-что. Теперь его единственные собеседники — бортовой компьютер и собственная паранойя.

Компьютер молчал.

Паранойя цвела.

Заняться было нечем. Нейтан полез в системы связи. Основные частоты были мертвы. Но аварийные — казалось, работали. Он возился с настройками, переходя с канала на канал.

И тут из динамиков хлынула старая поп-музыка.

Что-то из прошлого века. Синтезаторы. Жизнерадостный голос, поющий про любовь, лето и танцы до утра.

Нейтан замер.

Потом улыбнулся.

Потом прибавил громкость.

Потом испугался и сделал потише.

— Отлично, — сказал он капсуле. — Значит, в порядке приоритетов: первое — передатчик на аварийных частотах работает. Второе — в памяти передатчика сохранилась коллекция шансона из двадцать первого века. Третье — моя жизнь всё ещё висит на волоске. Всё логично.

Музыка звучала так нелепо на фоне мёртвого корабля и чёрной пустоты, что это было почти богохульством. Но и почти утешением. Как запах свежего хлеба в морге.

Нейтан сел. Взял виртуальный блокнот на внутренней панели. Решил составить план выживания.

План получился простой.

Не умереть сегодня.

Выяснить, что это за объект перед ним.

Завтра придумать что-нибудь ещё.

Он перечитал. Дописал:

Не умереть завтра — тоже вариант.

Закрыл блокнот.

— Стратегия, достойная гения, — сказал он. — Или выжившего.

От безысходности он открыл первый случайный шкафчик в капсуле. И нашёл там бутылку виски. Видимо это была чья-то заначка. Рядом лежала записка: «Только для экстренных случаев».

Нейтан повертел бутылку в руках. Посмотрел в иллюминатор. На умирающий корабль. На тёмную громадину. На бесконечную пустоту.

— Это как раз экстренный случай, — решил он. — Пришло твоё время. Ты ждала этого момента, наверное, дольше, чем я ждал отпуска.

Он отвинтил крышку. Сделал глоток. И морщился так, что чуть не вывернул себе челюсть.

— Ох, — просипел он. — Горькая зараза.

Он сделал второй глоток. Из принципа.

Стало не лучше. Но теплее.

— Ладно, — пробормотал он. — Остальное в другой раз. Он закрыл бутылку.

Он сидел, держа закрытую бутылку в руках, и думал о смерти. Не со страхом. С иронией.

— Если я умру здесь, — размышлял он, — моё тело найдут через тысячи лет. Заморозят в вакууме, как мороженое в морозилке. И выставят в музее. Экспонат: «Человек, который не смог». Рядом будут таблички. Школьные экскурсии. Детишки будут тыкать пальцами и спрашивать: «А почему он не смог?» И экскурсовод со вздохом ответит: «Зато он стильно одет».

Он усмехнулся.

— Слава — это важно. Даже посмертная. Даже в таком формате.

Он посмотрел на часы. И не поверил.

Прошло всего два часа.

Два часа с момента пробуждения. Два часа одиночества, катастрофы и марафона по умирающему кораблю. А он уже был готов сойти с ума.

— Отличная скорость, Нейтан, — констатировал он. — Психика у тебя, как и у остального корабля, — разваливается на части.

И тут он вспомнил.

На Земле у него никого не осталось. Ни родителей. Ни жены. Ни даже собаки, которая ждала бы у двери.

Сначала эта мысль давила. Потом — странное дело — придала сил.

— Значит, мне не нужно никого расстраивать своей гибелью, — подумал он. — Никто не будет плакать. Никто не будет ждать. Никто не будет смотреть в иллюминатор с надеждой. Свобода, блин. В худшем её проявлении.

Но тут же вторая мысль ударила под рёбра.

Командование, возможно, уже считало его погибшим. А это значит — денежных выплат за миссию не будет. Никто не переведёт ему страховку. Не начислит надбавку за выживание. Не оплатит психологическую реабилитацию.

— Вот это удар, — фыркнул он. — Умираю в одиночку в космосе — и ещё денег не получу. Управление ресурсами — на высоте, как всегда.

Он решительно отставил бутылку в сторону.

— Нужно попытаться связаться с Землёй, — сказал он сам себе. — Даже если это бесполезно. Бесполезность — это тоже занятие. Лучше, чем сидеть и смотреть в пустоту. А вдруг повезёт? А вдруг кто-то услышит? А вдруг я в музее всё-таки буду экспонатом «Человек, который смог»?

Нейтан уселся перед передатчиком. Поправил микрофон. Проверил питание.

Зелёная лампочка отзывчиво мигнула.

Работала.

Крошечный, жалкий, но работающий кусочек надежды.

Он набрал в лёгкие воздуха. Посмотрел в иллюминатор. Туда, где вдали медленно разваливался «Пилигрим». А за ним темнела безмолвная громадина.

— Ну что, — сказал он вслух. И голос у него был почти бодрый. — Начнём этот цирк.

Глава 4

Передатчик работал.

Это была и хорошая, и плохая новость одновременно.

Хорошая — потому что горела зелёная лампочка. Стрелка мощности честно ползла вверх. Плохая — потому что работающий передатчик в пустоте не многим лучше сломанного. Нейтан вещал в эфир, как проповедник в пустом соборе.

— Это спасательная капсула В-2 с исследовательского судна «Пилигрим». Прошу ответа. Местонахождение неизвестно. Экипаж — один выживший.

Потом снова.

— Это спасательная капсула В-2 с исследовательского судна «Пилигрим». Прошу ответа. Местонахождение неизвестно. Экипаж — один выживший.

Потом ещё раз.

— Это спасательная капсула В-2. Экипаж — один выживший. Один. Выживший. Я. Один.

Эфир отвечал ему идеальной, отточенной тишиной. Той самой, которая бывает только в местах, где до тебя никому нет дела.

Он запустил стандартный сигнал бедствия. Автоматический маяк. Записанное на все частоты сообщение, которое должно было сработать, даже если он уснёт. Потеряет сознание. Или в конце концов надоест разговаривать с самим собой.

Ответа не было.

Расстояние было слишком велико. Мощность капсульного передатчика — ограничена. Это как кричать в пустую бочку. Звук есть. Техника есть. Надежда даже есть. Только никто не слышит.

— Отлично, — сказал Нейтан. — Если кто-то из богов сейчас не ведёт конспект моего позора — значит, боги тоже меня не слышат.

Он крутил ручки настройки. Клавиатура стучала. Ручки щёлкали. Шкалы ползли. Эфир выдавал только мёртвый шум и статические помехи. Он прислушивался к каждому шороху, как рыбак — к поплавку. Вот он что-то уловил. Вот был всплеск. Нет. Снова помехи.

Он перебирал частоты колоний. Рейсовых грузовых маршрутов. Маяков дальнего периметра. Всего, что помнил из справочников связи. Надежда работала по простой формуле: вдруг кто-то пролетает рядом. Вдруг в этой бесконечной пустоте, в которую можно было поместить миллиард планет и миллиард мёртвых Нейтанов, прямо сейчас кто-то проходит в радиусе приёма.

— Вероятность мизерная, — рассудил он. — Но мизерная — не нулевая. А у меня, если правильно оценить ситуацию, вообще нет альтернатив.

Он продолжал крутить ручки.

И вдруг — сигнал.

Настоящий. Живой. Структурированный.

Сердце прыгнуло от радости так сильно, что, кажется, слегка поцарапало рёбра изнутри. Нейтан замер. Вслушался. Занёс палец над кнопкой записи. Боялся дышать.

Сигнал был знакомым. То есть буквально знакомым до боли. Потому что это был его собственный сигнал бедствия. Его собственный голос, переданный в космос час назад. Отражённый от какого-то обломка и вернувшийся к нему через пустоту.

Он сам говорил с собой.

Вселенная сделала ретранслятором его одиночества.

Нейтан сидел, глядя на мигающий индикатор. Минуты две. Потом сказал вслух:

— Ах вот оно что. Я просто эхо.

Он чувствовал себя идиотом. Потом ещё раз. Для симметрии.

— По крайней мере, в этом я последователен, — заключил он.

Когда волна самобичевания схлынула, в голову наконец пришла полезная мысль. Если сигнал вернулся отражённым — значит, рядом есть отчего отражаться сигналу и это с большой вероятностью обломки корабля. Обломки — это куски «Пилигрима». А большие куски «Пилигрима» — это, возможно, уцелевшая аппаратура связи. Усилители. Антенны. Модули дальнего диапазона.

— Это как искать зарядку для телефона в разбитой машине, — сказал он себе. — Шанс есть. Маленький. Но разбитая машина всё равно теперь моя.

Ручное управление капсулой было отдельным видом искусства. На стыке пилотирования и джентльменского рукопашного боя. Джойстик запаздывал. Реактивные дёргались рывками. Нейтан подвёл капсулу к большому обломку со скоростью, которую сам охарактеризовал бы как «неторопливую свадьбу улитки».

Обломок корабля действительно был, он вырастал в иллюминаторе. Гигантский фрагмент металла, покрытый застывшими шрамами деформации. Медленно вращающийся вокруг своей оси.

И тогда он увидел в нём дыру.

Огромную. Зияющую. Вырванную с мясом дыру в корпусе. Рваные края листов обшивки загнуты наружу. Изнутри торчат пучки кабелей. Вокруг дыры металл оплавлен и потёк застывшими каплями, как свеча в костре.

Нейтан смотрел на эту дыру и понимал. Взрывная декомпрессия отсюда и началась. Всё, что было внутри этой секции, выдуло наружу за доли секунды. Может, и людей тоже.

И тут его осенило.

Он узнал этот обломок. Мгновенно. Мучительно точно. Как узнают лицо бывшей жены на чужой свадьбе. Это была рубка. Верхняя часть командного модуля. Где располагались модули дальней связи.

Нейтан смотрел на дыру, в огромном осколке корабля. И его медленно накрывали воспоминания. Панель на мостике. Мёртвые экраны. Ошибка 404. Сканеры, которые не заметили громадину.

Связь и дальнее обнаружение были в этой секции.

— То, что нужно, — всё-таки решил он про себя, скребя надеждой по дну оптимизма. — Рубка уцелела частично. Антенны снаружи, на мачтах. Они могли оторваться, но не сгореть. Модули усиления сигнала — часть скорее всего сохранилась. Всё-таки мне везёт, — заключил он.

Он поймал себя на том, что благодарит судьбу за то, что она выбросила его в космос рядом с обломком его же корабля, на котором погиб его экипаж.

— Низкий порог счастья, — констатировал он. — Но он у меня теперь вообще везде низкий.

Выход в открытый космос Нейтан совершал через небольшой шлюз аварийной капсулы. С сердцем, заколотым где-то в районе горла. Проверил скафандр. Ещё раз. Потом на всякий случай пятый.

Створка за спиной закрылась. Воздух из шлюза высасывало с тихим шипением. И вот он — висит на тросе, который удерживает его у капсулы. Смотрит на звёзды. Звёзды не мигают. Им не к чему стремиться.

Не отстёгивая троса — идея отстегнуться в открытый космос не посетила его даже в самом паническом приступе, — Нейтан заковылял по тросу к дыре в рубке.

Внутри фрагмента было пусто. Мрачно. Невесомость здесь встала на сторону хаоса. Обломки плавали в воздухе, как корм в супе. Консоли висели под неестественными углами.

Но Нейтан нашёл то, за чем пришёл.

Аварийная антенна. Складная параболическая мачта, прикреплённая к внешней балке. Выглядела она так, будто её жевала собака. Буквально. Рёбра отражателя погнуты. Узел крепления раздолбан. На одном из сегментов — вмятина размером с обломок метеорита.

Но структура держалась.

Там же были и коммуникационные модули. Усилители сигнала. Блок ретрансляции. Пара конвертеров. Нейтан собирал всё, что мог унести. Крепил к тросу. Притягивал к себе. Толкал в сторону шлюза капсулы.

Процесс был неуклюжим. Медленным. И каким-то глубоко унизительным. Взрослый мужчина возит по пустоте металлолом. Как бездомный на вещевом рынке.

Через час работы у троса висела связка оборудования размером с холодильник.

И тут выяснилась проблема.

Один из громоздких модулей — большой блок ретрансляции, размером со шкаф — не пролезал в шлюз аварийной капсулы.

Нейтан пытался протиснуть его вертикально. Горизонтально. Под углом. Наискось. Шлюз был упрям, как таможенник. Модуль не проходил сантиметров на десять. Десять сантиметров, которые теперь отделяли его от связи с цивилизацией.

Нейтан завис рядом с капсулой и орал в пустоту так, что, наверное, могли услышать ближайшие колонии. Если бы у них была чуткость выше среднего.

— ТЫ! ГНИЛОЙ ЖЕСТЯНОЙ САРАЙ! Ты! Твой шлюз! Ты был спроектирован умниками, которые экономили на металле, как на подарках начальству! Я тащу тебе твой собственный спасательный комплект! И ты мне не открываешься на ширину коробки?! Откройся! Да я тебя продам на запчасти! Да я тебя сдам в металлолом! А, нет, ты сам уже металлолом! Отлично!

Модуль по-прежнему висел перед ним с невозмутимостью гроба.

Нейтан сделал глубокий вдох. Посчитал до десяти. Потом до двадцати. И принял решение. Решение, против которого не поспоришь ни в каком учебнике выживания.

Он вытолкнул модуль в открытый космос.

Тот медленно, с достоинством поплыл в сторону тёмной громадины.

— Лети, красавец, — сказал ему вслед Нейтан.

Нейтан медленно забрался обратно в капсулу, чтобы заняться делом.

Внутри капсулы началось время эксперимента.

Нейтан подключал антенну к усилителю. Усилитель к передатчику. Передатчик к запасному блоку питания. Всё шло отлично.

Пока не выяснилось: разъём не подходит.

Ни один. Ни один из приносимых разъёмов не подходит ни к одному родному порту капсулы. Инженеры, проектировавшие «Пилигрим» и его спасательные капсулы, очевидно, работали в разных отделах. И никогда не разговаривали друг с другом.

Нейтан сидел, держа в руках разъём, который лез бы в порт с силой воли и кулаком. И тут его посетило озарение.

Изолента.

В ящике капсулы, среди аварийных комплектов, лежала изолента. Он достал её. С уважением посмотрел на синий рулон.

— Изолента, — сказал он торжественно. — Универсальный инструмент цивилизации. Что-то трясётся? Изолента. Что-то не открывается? Изолента. Рука оторвалась? Сначала зелёнка. Потом изолента. Вселенная держится на изоленте. А производители считают это недоработкой.

Он обмотал изолентой вручную переделанный разъём. Зафиксировал. Снова обмотал. Каждое движение было молитвой. Каждый слой — обещанием, что контакт будет держаться хотя бы до первого вопроса о работе.

И вот, пока Нейтан возился с антенной, в модуле начала играть очередная ретро-песня.

Радио, которое он вчера случайно включил, работало в фоновом режиме. Динамик заполнился мягким, тоскливым голосом и припевом:

«Я один в пустоте... Я один в пустоте...»

Нейтан замер.

Слушал.

Улыбнулся. Потому что это было слишком точно.

Потом посмотрел на умирающий корабль в иллюминаторе. На тёмную громадину за ним. На свои руки в перчатках, держащие обмотанную изолентой антенну.

И загрустил.

Потому что это было слишком точно, про его ситуацию.

Смех и грусть в его случае шли в одной комплектации. Как батарейки в пульте. От одного производителя.

Работа тем не менее двигалась.

Через пару часов — Нейтан уже не знал точно, сколько. Время растянулось, как изолента. — ему удалось починить часть оборудования своего модуля и запустить некоторые сканеры его спасательного модуля. Датчики ожили. Экран засветился. Навигационный блок начал выдавать первые, ещё грубые данные.

Нейтан откинулся в кресле. Устало улыбнулся. И произнёс торжественную речь:

— Нейтан Грос. Ты в одиночку, в космическом сарае, с помощью изоленты и мата восстановил часть систем корабля. Диплом инженера тебе не вручили. Но по совокупности подвига — должен бы.

— Отличный день продуктивности, — сказал он бутылке виски. — Причём первый за всю мою жизнь. Естественно, единственный. Потому что ещё три дня — и я, скорее всего, сдохну. Но зато какой финал!

Теперь, когда сканеры дышали, Нейтан принял решение. Если не может связаться с Землёй — попробует связаться с кем-нибудь ещё. Колонии. Дальние маяки. Гражданские суда. Военные буи. Кого угодно.

— Вдруг повезёт, — сказал он. — Опять.

Слово «опять» он произнёс с той усталостью, с которой люди произносят «опять понедельник».

Он развернул сканеры. И направил их на ту огромную странную громадину, что висела вдали и молчала.

Объект занимал теперь уже половину обзора. Тёмный. Безмолвный. Его размеры — судя по примерным расчётам капсульного компьютера — были с планету. С планету, Нейтан. Маленькая планета, может, но всё же.

— Может, это моя последняя надежда? — подумал он.

Был ли этот объект причиной катастрофы? Или он просто сидел в пустоте, как свидетель, у которого есть все ответы? Нейтан не знал. И, честно признаться, боялся ответа сильнее, чем признался бы даже самому себе.

Но выбирать не приходилось. У него не было списка вариантов, из которого можно было бы выбрать лучший. У него был сканер. Изолента. И тёмная громадина на горизонте.

Нейтан запустил процедуру сканирования.

Экран мигнул. И выдал строку:

«Обработка данных. Ожидаемое время: неизвестно».

— Неизвестно, — повторил он с иронией. — Отлично. Хоть в чём-то мы с тобой совпадаем.

Он откинулся в кресле. Посмотрел в иллюминатор. Громадина смотрела в ответ. Молча. Терпеливо. Как будто ждала.

— Ну что ж, — сказал Нейтан. — Пока ты думаешь, я тоже подумаю.

Он замолчал. Потому что понял, что думать то ему особо не о чем, нужно дождаться результата.

Глава 5

Сканирование шло в автоматическом режиме.

Экран мигал скромным индикатором прогресса — маленькой полоской, которая ползла вправо с достоинством усталого чиновника, вышедшего на пенсию, но всё ещё зачем-то пришедшего на работу. Компьютер молчал. Громадина в иллюминаторе молчала в ответ. Два безмолвных собеседника, которые общались исключительно через Нейтана, как два родственника, поссорившихся десять лет назад и теперь передающих друг другу приветы через третьего, случайно оказавшегося за столом.

Нейтан сидел перед терминалом, смотрел на полоску и чувствовал, как внутри него медленно закипает человек, который очень не любит ждать. Особенно ждать, когда от результата зависит, останется ли он в этой вселенной ещё на неделю или превратится в очень дорогой кусок замороженного мяса в скафандре.

— Пока ты там считаешь, — сказал он компьютеру, — я буду делать что-то полезное. Потому что сидеть и смотреть на полоску прогресса — это не выживание, это стриминг. И даже не стриминг, а его самая унылая версия: без чата, без рекламы и без возможности переключить канал.

Компьютер не ответил. У него был прогресс. У Нейтана был сарказм. Обмен был неравноценным, но обе стороны им довольствовались.

Он откинулся в кресле и принялся за то, что в любом учебнике выживания называется «оценкой ресурсов», а в реальной жизни — «пересчитыванием того, чего у тебя почти нет». Воздух. Датчик показывал честно, без прикрас и без корпоративного оптимизма: две недели. Две недели — это если сидеть тихо, не бегать по капсуле, не устраивать панику и не разговаривать с компьютером на повышенных тонах. Последнее, к сожалению, было его любимым видом спорта.

С водой дело обстояло терпимо. Не роскошно, не по-королевски, но терпимо. В капсуле имелся запас в гибких ёмкостях, и если пить по-человечески, а не как верблюд после отпуска, можно было растянуть. Нейтан даже мысленно похвалил себя за то, что не начал с виски. Хотя

виски, если честно, тоже была жидкость. Просто с побочными эффектами в виде философских выводов и желания позвонить бывшей, которой у него, к счастью, не было.

А вот с продуктами — хуже. Сильно хуже. Настолько хуже, что слово «хуже» просило повышения в должности.

Пять упаковок пайка.

Пять.

Он пересчитал. Потом пересчитал ещё раз, будто надеялся, что от второго пересчёта их станет больше. Их не стало больше. Они лежали в отсеке, честные, прямоугольные и абсолютно не впечатляющие. Пять упаковок. При его аппетите и метаболизме, который, судя по постоянному урчанию, работал как двигатель перегретого грузовика, это означало примерно неделю существования. Ну, может, неделю и два дня, если включить режим «я не голоден, я просто нервничаю». А потом — ещё три дня страданий, в течение которых он будет вспоминать все блюда, которые когда-либо ел, и проклинать себя за то, что не запомнил их подробнее.

— То есть, — резюмировал Нейтан, глядя на пайки, — я умру не от вакуума, не от радиации и не от загадочной тёмной громадины. Я умру от голода, сидя на работающей капсуле с топливом.

Он представил себе табличку. Аккуратную, металлическую, с гравировкой. «Нейтан Грос. Офицер безопасности. Выжил в катастрофе, чтобы умереть от несбалансированного рациона».

Нейтан встал. Прошёлся по капсуле на сколько она позволяла. Три шага вперёд, три шага назад. Теснота была такой, что даже мысль о прогулке вызывала клаустрофобию. Он посмотрел на скафандр. Скафандр висел на крючке и выглядел как единственный друг, который ещё не ушёл. Потный, вонючий, с царапинами, но друг. Настоящий. Из тех, кто не говорит: «Я же тебе говорил», а просто молча терпит, когда ты в него влезаешь.

— Значит, возвращаемся к обломкам, — сказал Нейтан.

В прошлый раз он шарился по рубке связи и в спешке не искал провизию. Тогда главной задачей было найти антенну, усилитель и хоть что-то, что могло превратить его радиокрик в радиосигнал. Тогда он думал о связи. О спасении. О том, чтобы кто-нибудь услышал его и прилетел. Сейчас он думал о еде. И это было унизительно просто. Никаких высоких материй. Никаких благородных порывов. Просто человек, который хочет жрать.

— Вдруг я что-то пропустил, — рассуждал он, натягивая скафандр. — На корабле же были кладовые. Столовые. Аварийные рационы. Может, где-то остался ящик с галетами. Может, кто-то из учёных прятал шоколад в каюте. Может, у первого помощника была заначка не только с презервативами, но и с печеньем. Хотя, зная снабженцев «Пилигрима», печенье бы тоже шло с какой-нибудь колкой надписью.

Он застегнул последний замок. Шлем закрылся. Внутри стало тише. Сирены не было — капсула стояла в вакууме, и вакуум не любил громких звуков. Он любил тишину. Такую плотную, что в ней можно было утонуть. Нейтан проверил кислород. Проверил давление. Проверил трос. Потом проверил всё ещё раз, потому что в открытом космосе паранойя — это не диагноз, а должностная инструкция.

Второй выход в открытый космос дался легче первого. Если «легче» можно назвать состояние, в котором тебя трясёт только на тридцать процентов вместо девяноста. Он всё ещё цеплялся за поручни чуть сильнее, чем нужно. Всё ещё смотрел на звёзды так, будто они могли внезапно погаснуть. Всё ещё проверял трос каждые несколько метров. Но где-то в глубине уже появился опыт. Не смелость. Не уверенность. Опыт. Опыт — это когда ты уже знаешь, какой именно страх тебя ждёт, и поэтому можешь подготовиться к нему заранее.

— Трос, шлюз, прыжок в пустоту, — пробормотал Нейтан. — Как обычная утренняя зарядка. Только без пользы для здоровья.

Он оттолкнулся и поплыл к обломкам, к которым он снова подогнал поближе свою спасательную капсулу. Они за прошедшие часы успели немного разойтись — как гости с плохо удавшейся вечеринки, которые сначала стояли кучей, а потом постепенно расползлись по углам, чтобы не смотреть друг другу в глаза. Большие фрагменты медленно вращались. Мелкие дрейфовали вокруг, как пыль. Где-то в глубине металла что-то поскрипывало. Или это было воображение. В космосе звук не распространяется, но воображение работает без проводов.

Нейтан направился к большому фрагменту средней секции. Там, если память не изменяла, располагался офицерский блок. А в офицерском блоке — столовая. А в столовой — шкафы. А в шкафах — то, ради чего нормальный человек готов рискнуть жизнью. Или, по крайней мере, готов выйти в открытый космос второй раз за день.

Внутри фрагмента уже привычно царила невесомость и хаос. Панели плавали в воздухе. Мёртвые лампы мигали остаточным зарядом, отбрасывая тени, похожие на тех, кого здесь уже не было. Нейтан старался не смотреть на детали. Не потому, что боялся. Потому что каждая деталь спрашивала у него: «А где ты был, когда мы умирали?» Ответа у него не было. И он не хотел придумывать его на ходу.

— Я был в капсуле, — сказал он вслух. — В гибернации. Спал. Чтобы проснуться через месяц и заступить на свою смену. Я не знал. Не мог помочь. И вообще, если честно, я не уверен, что мой сон был достаточно крепким, чтобы считаться алиби.

Тишина не ответила. Она была занята другим.

Столовая для офицеров нашлась — вернее, то, что от неё осталось. Половина помещения была вырвана взрывом. Края обшивки загнулись наружу, как лепестки металлического цветка, который вырос в неправильном месте. Но дальняя секция с камбузом и шкафами с провизией уцелела. Нейтан подплыл к шкафам и открыл первый попавшийся. Внутри было пусто. Второй — тоже. Третий — почти пусто. Он уже начал подозревать, что кто-то до него провёл здесь инвентаризацию, когда в четвёртом шкафу увидел их.

Сухие пайки.

Семь штук.

Он замер. Потом посмотрел на них так, как смотрят на родственников, которых не видел десять лет. Семь упаковок. Плюс две ёмкости с водой. И — о чудо из чудес — заводская упаковка кофе. Настоящего. Не растворимого порошка, который притворяется кофе. С зёрнами. С запахом. С обещанием, что утро может быть не только выживанием, но и чем-то похожим на жизнь.

— Ну вот, — сказал Нейтан, прижимая упаковку к груди, как солдат награду. — А вы говорили — шансов нет. У меня теперь есть кофе. Я бессмертен.

Он аккуратно сложил пайки в мешок. Воду закрепил на тросе. Кофе спрятал во внутренний карман скафандра, поближе к телу, как какую-то драгоценность. Потому что в сложившейся ситуации кофе был не просто напитком. Кофе был цивилизацией. Маленькой, тёмной, ароматной цивилизацией в пластиковой упаковке.

И тут перед его глазами что-то проплыло.

Небольшой, плоский, серебристый диск. Всего-то с ладонь. Он медленно вращался, выплыл из-за перевёрнутой консоли и повис прямо перед лицом Нейтана. Гравитация его не держала. Инерция не толкала. Он просто дрейфовал в пустоте, как пузырёк в воде. Нейтан узнал его мгновенно. Навигационный носитель. Резервный диск с данными навигатора корабля. Старая добрая дублирующая система, которую инженеры предусмотрели на случай, если всё цифровое сдохнет. Диск с картами маршрута, журналами полёта, бортовыми записями последних часов. Всё, что было нужно, чтобы понять, как именно «Пилигрим» оказался там, где он оказался.

Нейтан огляделся. Навигатора — человека — он не увидел. И его трупа не увидел тоже. Может, того выдуло в дыру при декомпрессии. Может, он был в другой секции. Может, его

вообще здесь никогда не было. Нейтан не стал додумывать. У него и без этого было достаточно материала для ночных кошмаров.

— Извини, коллега, — сказал он диску, аккуратно подхватывая его перчаткой. — Ты — то, что от тебя осталось. И поверь, ты полезнее, чем всё, что я нашёл сегодня. Хотя кофе — это близко.

Он повертел диск в руках. Серебристая поверхность блеснула в свете нашлемного фонаря. Гладкая. Холодная. Равнодушная. Как все носители информации, которые переживают своих создателей.

— Забираю твой диск, — сказал Нейтан, обратившись к невидимому навигатору, которого не было рядом. — Ты не против? Если против — прости, но у тебя нет ни ног, ни адвоката. А у меня — голод, любопытство и два процента везения за весь день. Мне нужно хоть что-то, что можно предъявить вселенной в качестве доказательства, что я не просто так тут сижу.

Обратно он вернулся с мешком провизии, кофе, диском и ощущением человека, который ограбил собственный дом. Капсула приняла груз и Нейтана. Шлюз закрылся. Скафандр отправился на привычный крючок — потный, вонючий и всё ещё лучший друг. Нейтан стянул перчатки. Пальцы дрожали. Не от страха. От усталости. И от странного, почти неприличного счастья, которое бывает, когда ты наконец находишь что-то полезное в месте, где всё должно было быть бесполезным.

Диск он вставил в терминал капсулы. Тот, к счастью, имел совместимый разъём. Впервые за день что-то совместилось с чем-то без изоленты. Нейтан даже фыркнул от удивления.

— Смотри-ка, — сказал он. — Инженеры всё-таки иногда разговаривали друг с другом. Может, даже пили вместе кофе. Мир полон чудес.

Данные пошли. Экран мигнул. По нему поползли строки. Нейтан придвинулся ближе. Сердце перешло на быстрый, деловой ритм — так, будто заранее знало, что сейчас будет что-то, к чему стоит приготовиться.

Навигационные системы, судя по журналам, были выведены из строя внешним воздействием неизвестной природы. Проще говоря — они столкнулись с чем-то большим. На очень большой скорости. На скорости, которая не оставляла даже шанса, чтобы выжить. Нейтан читал логи и чувствовал, как холодеет где-то глубже скафандра, который он уже снял. Холодело не в скафандре. Холодело в нём самом.

И главное: этого объекта не было на звёздных картах Космофлота. Ни в гражданских каталогах, ни в военных, ни в коммерческих базах, которые корабль обновлял перед вылетом. Объект размером с планету просто не существовал. Пока не существовал. А потом — раз! — и вот он, размером с планету, стоит на маршруте движения корабля.

— Замечательно, — сказал Нейтан. — Получается мы ехали по карте, на которой не было горы.

Он перебрал все записи с диска. Откинулся в кресле. Посмотрел на экран. Потом на иллюминатор. Потом снова на экран. В голове было пусто и одновременно слишком шумно. Как в комнате, где выключили свет, но забыли выключить телевизор.

«Может, это был всё-таки метеорит? — подумал он. — Просто кусок камня, который мы не заметили, а он влетел в нас?»

Теория сдохла, не дожив до конца предложения. Метеориты так резко не появляются. Метеориты не отсутствуют на картах Космофлота, которые покрывают исследованные сектора до последней пылинки. И метеориты не делают того, что показывали данные дальше.

А дальше было вот что: маршрут «Пилигрима» за несколько часов до катастрофы был скорректирован внешней энергией. Корабль шёл по курсу, который проложил навигатор, — и что-то извне подвинуло этот курс. Незначительно. На какие-то доли градуса. Система зафиксировала это как мелкий сбой, нестоящий даже в журнале отдельной строки. Маленький сбой.

Невинный сбой. Но именно этот сбой увёл корабль на встречу с громадиной, которой не было на картах. Именно этот сбой — детонатор всей катастрофы. В которой выжил только он.

Нейтан сидел неподвижно долго. Дольше, чем когда-либо за последние дни. А дни, как выяснилось, у него уже кончались.

«Катастрофа была не случайной», — подумал он.

Это была не мысль. Это был вывод. Холодный, как вакуум за обшивкой. Корабль не врезался сам. Его подвели, к тому, чтобы он именно врезался. Кто-то — или что-то — подтолкнул «Пилигрим» с курса, и он влетел в объект, которого не существовало в картах. Не просто влетел. Был приведён. Как человек, которого ведут по коридору, а он думает, что идёт сам.

— Но кому это было нужно? — спросил Нейтан у экрана.

Экран не ответил. Он был занят тем, что показывал данные.

Нейтан принялся перебирать версии. Пиратские корпорации? Враждебная колония? Скрытая военная программа? Ничто? Пустота, которая сама двигает корабли? Каждая версия была хуже предыдущей. И ни одна не складывалась в картинку.

— Наш корабль хоть и был большим, — размышлял он, — но он был исследовательским. Даже не военным. Никакого оружия. Никакого груза, кроме приборов. Мы везли учёных, семена и кофейный автомат. Кто таранит исследовательское судно? Кому нужен сбой навигации в глухом секторе?

Он перебирал версии, и все они были хуже предыдущей.

— Я офицер безопасности, у которого безопасности не хватило даже на собственную безопасность, — сказал он.

Он потёр лицо ладонями. Пальцы были холодными. В капсуле работал обогрев, но холод был не снаружи. Холод был внутри. Тот самый холод, который появляется, когда понимаешь, что мир устроен сложнее, чем написано в инструкции. И что в инструкции, возможно, вообще не было этой главы.

И тут его накрыло воспоминание. То самое, которое он старательно не поднимал со дна.

Когда он устраивался на службу на этот корабль, он думал, что это будет как отпуск. Серьёзно. У него как у офицера безопасности здесь почти не было работы. Экспедиция научная. Экипаж — немного учёных и техников. Маршрут — спокойный, исследовательский. Никаких грузов с охраной. Никаких спорных секторов. Никаких пьяных шахтёров, с которыми в прошлые годы он улаживал вопросы аж в двух драках, из которых выиграл одну с половиной.

Здесь он планировал спать по девять часов. Ходить в спортзал, который занимал две палубы. Пить кофе на смотровой палубе и наслаждаться полётом. Полгода оплачиваемого космического санатория. Он даже книгу собирался начать писать. Даже выбрал название. Что-то про тишину. Или про море. Или про тишину на море. Он не помнил точно. Он помнил только, что название было хорошее. Такое, которое можно написать на обложке и не стыдиться.

Его обязанности на корабле были формальны до неприличия. Осмотр шлюзов раз в неделю. Проверка доступа. Подпись в журнале дежурств. Два собрания в месяц, на которых он кивал учёным, потому что они говорили на языке, который был ему так же понятен, как формула химического элемента. Он даже научился делать умное лицо. Это был его главный профессиональный навык на этом корабле. Умное лицо и кивок с интервалом в тридцать секунд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.